18+

К. Рихель

Мир, в котором правят женщины

К. Рихель

Мир, в котором правят женщины

«Издательские решения»

Рихель К.

Мир, в котором правят женщины / К. Рихель — «Издательские решения»,

Что изменится, если женщины получат власть? Достаточно ли просто поменять местами тех, кто управляет, и тех, кем управляют? Эта книга исследует историю гендерного неравенства, природу власти и общественные правила, которые ограничивали женскую свободу. Через философию и исторический опыт она предлагает представить мир, где пол не определяет права и возможности человека, а равенство становится принципом устройства общества.

© Рихель К.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Мир, в котором женщине отведено место 6
Глава I 6
Власть, собственность и право принимать решения 7
Кто создавал законы и общественные нормы 9
Образование и право быть услышанной 10
Созданный порядок 11
Глава II 13
Глава III 18
Право на власть 18
Император, которому не полагалось быть женщиной 20
Женщины на российском престоле 20
Власть, которая не принадлежит одному полу 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Мир, в котором правят женщины

К. Рихель

© К. Рихель, 2026

ISBN 978-5-0071-7676-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Мир, в котором женщине отведено место

Глава I
Кто установил правила?

На протяжении значительной части истории политическая власть, военное командование, законодательство и распоряжение основными ресурсами преимущественно находились в руках мужчин. Они занимали государственные должности, возглавляли армии, заседали в советах и собраниях, определяли порядок наследования и принимали законы, обязательные для всего населения. Женщины тоже участвовали в общественной жизни и влияли на ход истории: владели имуществом, занимались торговлей, выполняли религиозные функции, управляли хозяйствами, участвовали в династической политике, а иногда самостоятельно правили государствами. Но доступ к официальным институтам управления во многих обществах был для них существенно ограничен. Возможности женщины зависели от происхождения, семейного положения, достатка и связей, тогда как для мужчины того же круга некоторые пути к общественному влиянию могли быть открыты уже в силу его пола.

Это распределение власти никогда не было одинаковым во все времена и во всех регионах. Положение человека определялось сословием, имущественным состоянием, гражданским статусом, принадлежностью к правящей семье и действовавшими правовыми нормами. Женщина из влиятельной династии могла обладать большими возможностями, чем мужчина из бедной семьи; свободная женщина находилась в совершенно ином положении, чем рабыня. Однако социальные различия не отменяли гендерных ограничений. Пол нередко влиял на то, какие права человек получал при рождении.

Чтобы понять, как сложился такой порядок, необходимо рассмотреть, каким образом в человеческих обществах распределялись власть и ресурсы. Земля, собственность, военная сила, наследование и политическое представительство становились источниками влияния. Тот, кто распоряжался ими, получал возможность определять условия жизни других людей. Во многих исторических обществах мужчины имели преимущественный доступ к этим механизмам, тогда как женщины чаще оказывались в положении тех, чья жизнь регулировалась решениями, на принятие которых они могли влиять лишь косвенно.

Одно из привычных объяснений исторического разделения ролей строится вокруг образа мужчины-добытчика и женщины, отвечающей за детей и домашнее хозяйство. Эту модель переносят в далёкое прошлое, представляя её почти неизменным порядком человеческой жизни. Однако археологические данные не дают оснований считать, что охота в древних сообществах была исключительно мужским занятием.

Антропологи Сара Лейси и Кара Окобок в статье Woman the Hunter: The Archaeological Evidence, опубликованной в журнале American Anthropologist в 2024 году, рассматривают свидетельства участия женщин в охоте и указывают, что предположение о строгом разделении труда по половому признаку в палеолите имеет слабую доказательную основу. Авторы обращаются к разным видам археологических данных — от особенностей каменных орудий и питания до погребений и изображений. Их работа не доказывает, что во всех сообществах женщины и мужчины выполняли одинаковые задачи, но ставит под сомнение представление об универсальной модели, в которой охотником мог быть только мужчина.

По мере развития земледелия и оседлых поселений менялись способы организации хозяйства. Земля, урожай, скот, ремесленное производство и торговля становились источниками богатства. Постепенно возникали более сложные системы управления, которым требова-

лось регулировать владение ресурсами, сбор налогов, наследование, военную службу и отношения между населением и властью. Всё большее значение приобретали вопросы о том, кому принадлежит имущество, кто распоряжается результатами труда и кто вправе принимать решения от имени семьи, рода или общины.

Выполнение работы не гарантировало человеку равного права распоряжаться её результатами. Женщина могла участвовать в производстве, вести хозяйство, обеспечивать семью и выполнять значительную часть повседневной работы, оставаясь при этом зависимой от решений других членов общества. Поэтому происхождение гендерного неравенства нельзя объяснить одним лишь различием занятий мужчин и женщин. Не менее важным было то, как общество распределяло собственность, юридические права и возможность распоряжаться чужим трудом.

Власть, собственность и право принимать решения

Политическое управление на протяжении многих веков было связано с контролем над территорией, военной силой и материальными ресурсами. Правители распоряжались землями, назначали должностных лиц, заключали союзы, объявляли войны и устанавливали порядок взимания налогов. Вокруг них складывались советы, военные структуры, суды и административные учреждения. Участие в этих институтах позволяло влиять на решения, от которых зависела жизнь всего населения.

Во многих обществах доступ к подобной власти определялся происхождением и правилами наследования. Политические должности, военное командование и право представлять семью или род переходили к мужчинам. Женщины могли влиять на правителей, участвовать в династической политике, выступать посредницами между влиятельными семьями и даже самостоятельно управлять государствами. Однако возможность воздействовать на власть через родственные связи, брак или личное положение при дворе не была равнозначна праву занимать государственную должность и участвовать в управлении на тех же основаниях, что и мужчины.

Это различие хорошо видно на примере древних Афин. Афинскую демократию часто рассматривают как один из важнейших исторических примеров народного политического управления. Однако право участвовать в народном собрании и занимать политические должности принадлежало взрослым мужчинам — гражданам полиса. Женщины из гражданских семей сами не голосовали и не занимали обычных политических должностей, хотя их принадлежность к гражданскому сообществу имела правовое значение. Статус афинской гражданки отличался от положения чужеземки или рабыни, но не предоставлял ей политических прав, которыми обладал мужчина-гражданин. Историк Дебора Камен, исследуя социальные и правовые категории классических Афин, отдельно подчёркивает, что женское гражданство представляло собой особый статус, не равный мужскому.

Античный мир, впрочем, не представлял собой единую систему. В Спарте женщины могли владеть землёй, наследовать имущество и обладали заметным экономическим влиянием. Аристотель в «Политике» утверждал, что женщинам принадлежало около двух пятых земель Лаконии, связывая это с особенностями наследования и приданого. Его оценку нельзя воспринимать как точную статистику, поскольку она отражает наблюдения и представления античного автора. Тем не менее само это свидетельство указывает на значительное имущественное положение спартанок.

Военное дело стало ещё одной сферой, тесно связанной с политическим положением. Армия обеспечивала защиту территории, расширение владений и сохранение власти правителя. Военная служба могла приносить мужчине общественный статус, укреплять его связи с влиятельными людьми и открывать путь к политическому участию. Женщины тоже присутствовали в военной среде: обеспечивали хозяйство во время войн, сопровождали войска,

участвовали в обороне, а в отдельных случаях непосредственно сражались. Однако официальное командование и военная карьера преимущественно оставались мужскими сферами.

Историк Конор Уотли в работе Women and the Military in the Age of Justinian рассматривает положение женщин в военной среде Восточной Римской империи VI века. В центре его внимания находятся как женщины из окружения военного командования, в частности Антонина, супруга полководца Велизария, так и женщины, жившие рядом с армией и участвовавшие в повседневной жизни военных поселений. Эти свидетельства позволяют увидеть, что военная сфера не была исключительно мужским пространством. Женщины присутствовали в ней на разных уровнях, хотя официальные командные структуры оставались преимущественно мужскими.

Контроль над вооружёнными силами давал возможность поддерживать существующую власть. Армия могла использоваться для подавления восстаний, обеспечения порядка и исполнения решений правителя. Те, кто командовал войсками и распоряжался вооружёнными людьми, обладали одним из наиболее действенных инструментов политического влияния. Поэтому исключение женщин из военного командования ограничивало не только их профессиональные возможности, но и доступ к одной из сфер, в которых формировались политические связи и укреплялась власть.

Вместе с тем военная служба не была единственным основанием политических прав. Далеко не каждый мужчина служил в армии или мог стать военачальником. Рабство, бедность, сословные ограничения и отсутствие гражданского статуса лишали многих мужчин политического влияния. Историческое преимущество мужчин не означало, что все они обладали властью или находились в привилегированном положении. Речь идёт о другом: принадлежность к мужскому полу во многих обществах открывала институциональные возможности, которые для женщин того же происхождения и социального положения были закрыты или существенно ограничены.

Не менее важным источником самостоятельности была собственность. Владение землёй, домом, мастерской или капиталом позволяло распоряжаться доходами, заключать сделки, обеспечивать себя и передавать имущество наследникам. Собственность укрепляла положение человека внутри семьи и общества, давала ему возможность принимать решения и в определённой степени не зависеть от чужой воли. Поэтому правила наследования и брака непосредственно влияли на распределение власти между мужчинами и женщинами.

В разных правовых системах положение женщин различалось. В одних обществах они могли владеть имуществом, наследовать его, заключать сделки и обращаться в суд. В других их имущественные права зависели от семейного статуса. Показателен английский институт coverture, в рамках которого юридическая самостоятельность замужней женщины в значительной степени ограничивалась браком. В классической модели английского общего права муж и жена рассматривались как одно юридическое лицо, представленное мужем. Это существенно сужало возможности замужней женщины самостоятельно владеть и отчуждать имущество, заключать договоры и распоряжаться доходами.

Историк Джоан Бейли, исследовавшая положение замужних женщин в Англии в 1660—1800 годах, показывает, что их реальная экономическая деятельность была сложнее, чем можно предположить по одному лишь описанию правовой доктрины. Женщины участвовали в управлении семейными средствами, пользовались правовыми механизмами и могли воспринимать часть имущества как общее достояние семьи. Исследование Эми Луизы Эриксон также обращает внимание на различия между имущественным положением замужних и незамужних женщин в английской правовой системе. В частности, незамужняя женщина могла обладать большей юридической самостоятельностью, чем женщина, состоявшая в браке.

Этот пример позволяет увидеть, как формальное право и повседневная практика могли расходиться. Женщина могла вести торговлю, управлять хозяйством и участвовать в распоря-

жении семейными средствами, но её юридические возможности зависели от норм, установленных государством и правовой традицией. Личная самостоятельность во многом определялась тем, какое положение она занимала в семье и какими правовыми механизмами могла пользоваться.

Собственность и брак были связаны также с наследованием. Если имущество передавалось преимущественно по мужской линии, положение женщины в семье зависело от её отношений с отцом, мужем или сыном. Брак становился одним из институтов, через которые регулировалась передача ресурсов между поколениями. В подобных условиях происхождение наследников приобретало особое значение, а женская сексуальность и брачный выбор оказывались под пристальным общественным контролем. Требования верности и подчинения могли поддерживаться не только моральными или религиозными представлениями, но и имущественными интересами семей, стремившихся обеспечить установленный порядок наследования.

Кто создавал законы и общественные нормы

Законодательство формировалось в институтах, обладавших правом принимать обязательные решения: при дворах правителей, в советах, народных собраниях, судах и административных учреждениях. Их устройство менялось от эпохи к эпохе, однако во многих обществах женщины были представлены в них значительно слабее мужчин или вовсе не имели права участвовать в официальном принятии законов.

Женщины подчинялись правилам, регулировавшим их собственность, брак, наследование, труд и положение в семье, но не могли на равных участвовать в создании этих правил. Их жизнь определялась решениями институтов, доступ к которым оставался для них ограниченным. Более того, законодательство могло закреплять само исключение: женщина не имела права участвовать в политике и поэтому располагала меньшими возможностями изменить законы, лишавшие её политического участия.

Такой порядок складывался из множества законов, обычаев и общественных практик. Одни ограничения объяснялись интересами наследования, другие — устройством гражданства, третьи — религиозными представлениями или правилами семейной жизни. Взятые вместе, они создавали систему, в которой мужчины определяли содержание общественных норм, а женщины были вынуждены приспосабливать к ним собственную жизнь.

Даже общества, провозглашавшие свободу, гражданство и равенство, долгое время не включали женщин в число полноправных участников политической жизни. В Европе и Северной Америке XVIII — XIX веков идеи естественных прав и народного представительства развивались одновременно с ограничением женского участия в выборах и государственных институтах. Женщины могли получать образование, владеть имуществом, вести хозяйство, участвовать в общественных движениях и политических дискуссиях, но всё это не гарантировало им права голосовать или занимать выборные должности.

В XIX веке вопрос о политическом положении женщин стал предметом широких философских и общественных споров. Историк Нереа Арести, исследуя дискуссии о политическом равноправии женщин в Испании XIX — начала XX века, показывает, насколько разнообразными были аргументы, использовавшиеся для их исключения из политической жизни. Среди них встречались ссылки на традицию, предполагаемые особенности женской психики и научные теории, основанные на предубеждениях. Арести также обращает внимание на то, что расширение политических прав женщин стало результатом борьбы за само определение политического сообщества: кого оно признаёт гражданином и кому предоставляет право участвовать в управлении.

Женское исключение из политики нередко обосновывали предполагаемой эмоциональностью, зависимостью, недостаточной рациональностью или предназначением для семейной жизни. Эти представления позволяли объяснять политическое неравенство якобы естественными различиями между полами. Если женщину заранее считали неспособной к самостоятельному суждению, её отсутствие в государственных учреждениях можно было представить закономерным следствием её природы.

Подобные аргументы сталкивались с реальной деятельностью самих женщин. Их способности проявлялись в науке, образовании, торговле, общественной и политической жизни, однако это не всегда признавалось достаточным основанием для предоставления равных прав. Проблема заключалась ещё и в том, что критерии политической компетентности определялись институтами, из которых женщины были исключены.

Власть в таких условиях получала возможность самостоятельно устанавливать условия допуска к управлению. Если одна группа определяет, какие качества необходимы для участия в политике, она может представить собственное положение как закономерный результат превосходства, а отсутствие другой группы — как подтверждение её неспособности. Возникает замкнутый механизм: сначала человеку ограничивают доступ к определённой сфере, затем его недостаточное присутствие в ней используют как аргумент в пользу сохранения ограничений.

Образование и право быть услышанной

История женского образования не была историей полного отсутствия знаний. Женщины учились в семьях, монастырях и начальных школах, приобретали навыки через ученичество и практическую деятельность. Некоторые получали серьёзную интеллектуальную подготовку, становились писательницами, учёными, переводчицами и религиозными мыслительницами. Однако доступ к образованию зависел от сословия, достатка, региона и эпохи, а возможности женщин и мужчин снова различались. Особенно заметными ограничения становились при переходе к университетскому обучению, научным исследованиям и профессиональным объединениям.

Исследование историка Меган Холл о женском образовании и грамотности в Англии с 1066 по 1540 год показывает, что девочки и молодые женщины получали знания в самых разных условиях. Обучение проходило в домашних хозяйствах, начальных школах и женских монастырях, а также было связано с работой и ученичеством. Содержание образования зависело от социального положения семьи и могло включать чтение, практические навыки и подготовку к определённым общественным ролям. Следовательно, говорить о полном отсутствии женского образования в Средние века было бы неверно. Вопрос заключался в том, насколько доступные знания позволяли женщине продолжить обучение, получить признанную квалификацию и самостоятельно распоряжаться результатами интеллектуального труда.

Если женщина не могла поступить в университет, получить профессиональную подготовку или вступить в определённое научное объединение, её возможности влиять на развитие науки, медицины, права и государственного управления сокращались. Даже талант и самостоятельная работа не позволяли получить официальное признание. Женщина могла обладать знаниями, но не иметь институционального положения, которое давало бы возможность применять их наравне с мужчинами.

Образование поэтому было связано не только с личным развитием, но и с доступом к общественному влиянию. Человек, умеющий читать, анализировать документы, обсуждать научные идеи и формулировать собственные выводы, получает больше возможностей участвовать в жизни общества. Когда доступ к этим инструментам ограничивается для целой группы, её участие в принятии решений также становится менее вероятным.

Подробная история образовательных запретов, борьбы женщин за университетское признание и судеб женщин, сумевших заниматься наукой вопреки ограничениям, заслуживает отдельного рассмотрения. Именно ей посвящена следующая глава.

Созданный порядок

Устойчивый общественный порядок нуждается в объяснении собственного существования. Законов и административных решений недостаточно, чтобы правила сохранялись поколениями: люди должны усвоить представления о том, почему существующее устройство считается правильным и допустимым. Поэтому правовые ограничения часто сопровождались моральными, религиозными и философскими концепциями, объяснявшими различия между общественными ролями мужчин и женщин.

Философские учения предлагали разные объяснения человеческой природы и общественного устройства. Одни мыслители обосновывали различие ролей предполагаемыми природными качествами мужчин и женщин, другие ставили под сомнение возможность судить о способностях человека по его полу. Существенную роль в закреплении неравенства сыграло превращение представлений о женской и мужской природе в основания для распределения прав и обязанностей. Когда определённые качества объявлялись врождёнными, существующее устройство общества начинало выглядеть как прямое следствие биологических различий.

Представление о женщине как о существе, предназначенном прежде всего для семейной жизни, позволяло объяснять её ограниченное участие в политике и управлении. Утверждение о большей рациональности и способности мужчин к руководству оправдывало их преимущество в законотворчестве и государственных учреждениях. При этом сами критерии рациональности, компетентности и общественной пригодности формировались в институтах, где мужчины на протяжении долгого времени занимали господствующее положение.

Постепенно последствия ограничений начинали восприниматься как подтверждение исходных представлений. Женщины реже занимали политические должности — и это использовалось как свидетельство того, что политика им не свойственна. У них было меньше доступа к университетскому образованию — и меньшую представленность женщин в науке могли объяснять недостатком способностей. Они реже распоряжались собственностью — и их экономическую зависимость представляли как доказательство потребности в мужском покровительстве. Так общественные условия, созданные людьми, превращались в аргументы в пользу собственной неизменности.

Этот механизм помогал сохранять исторический порядок даже после изменения обстоятельств, в которых он возник. Законы пересматривались, женщинам предоставляли право учиться и участвовать в выборах, но привычные представления о женском и мужском предназначении продолжали существовать в семье, культуре и повседневном общении. Формальное равенство не уничтожало социальные ожидания, сложившиеся в период, когда возможности мужчин и женщин были распределены иначе.

Современные представления о женственности и мужественности по-прежнему существуют между изменившимися институтами и унаследованными ожиданиями. Женщину могут оценивать через её семейное положение, материнство и внешность, мужчину — через заработок, статус и способность обеспечивать близких. Если женщина не хочет иметь детей, её решение порой воспринимают как отказ от естественного предназначения. Если мать не посвящает ребёнку всё своё время, её могут осуждать за недостаточную заботу. Отец, который выполняет повседневные родительские обязанности, напротив, иногда получает особую похвалу за участие в жизни ребёнка, хотя речь идёт о той же ответственности, которая от матери обычно ожидается по умолчанию.

Современная женщина может получать образование, строить карьеру, самостоятельно распоряжаться доходами и участвовать в политической жизни. Но общественная оценка её поведения всё ещё может учитывать традиционные ожидания. Старые представления продолжают влиять на повседневную жизнь, хотя хозяйственные и экономические условия, в которых они складывались, существенно изменились.

История гендерного неравенства — это в том числе история правил, которые создавались конкретными людьми и институтами, а со временем начинали восприниматься как естественный порядок вещей. Чтобы понять, почему они сохранялись так долго, недостаточно перечислить законы, запрещавшие женщинам владеть имуществом, получать образование или участвовать в политике. Необходимо увидеть, как эти ограничения поддерживали друг друга: экономическая зависимость сужала свободу выбора, недостаток образования ограничивал доступ к профессиям, исключение из политических институтов мешало менять законодательство, а общественные представления объясняли сложившееся положение природными различиями. Именно эта взаимосвязь и позволяла неравенству воспроизводиться из поколения в поколение.

Глава II
Образование, которое могло изменить мир

На протяжении столетий доступ женщин к образованию определялся ограничениями, затрагивавшими практически все ступени обучения и стороны интеллектуальной деятельности. Девочки могли учиться читать и писать, получать домашнее образование, изучать языки, литературу и музыку. Однако возможность продолжить обучение, поступить в университет, заниматься исследованиями и получить признанную научную квалификацию оставалась для них значительно более узкой. Даже когда женщинам удавалось приобрести знания, образовательные учреждения и профессиональные сообщества далеко не всегда предоставляли им равные с мужчинами возможности применять их и добиваться признания.

Содержание женского образования во многом зависело от того, какое будущее общество отводило женщине. Она могла знать несколько языков, разбираться в литературе и философии, вести переписку и участвовать в интеллектуальных беседах, но подобная подготовка не открывала перед ней те же профессиональные перспективы, которые образование предоставляло мужчине. Знания нередко рассматривались как достоинство женщины из состоятельной семьи, однако возможность превратить их в профессию, получить университетскую должность или посвятить себя научной работе оставалась ограниченной.

Особенно заметной эта разница становилась при переходе от домашнего обучения к систематическому образованию. Частный наставник мог передать ученице знания, но не мог заменить университетскую подготовку, доступ к лабораториям, научным библиотекам и профессиональной среде. Исследователю необходимо обсуждать результаты с коллегами, проверять гипотезы, пользоваться оборудованием, публиковать работы и участвовать в развитии своей дисциплины. Женщины, которым отказывали в доступе к этим условиям, оказывались в положении, когда продолжение интеллектуальной деятельности зависело от личных связей, материальных возможностей и готовности окружающих признать их компетентность.

Ограничения часто объясняли представлениями о женской природе. Утверждалось, что продолжительные умственные занятия вредят женскому здоровью, что способности женщин к абстрактному мышлению уступают мужским или что серьёзное образование противоречит будущим семейным обязанностям. Подобные идеи встречались в философских, медицинских и педагогических рассуждениях. Их авторы могли по-разному объяснять предполагаемые различия между полами, но нередко приходили к одному выводу: объём знаний, необходимых женщине, должен определяться её будущим положением в семье и обществе.

Показательна позиция французского философа Жан-Жака Руссо, изложенная в трактате «Эмиль, или О воспитании», опубликованном в 1762 году. Рассуждая о воспитании Софии, будущей спутницы главного героя, Руссо отводил женскому образованию особую задачу. София должна была приобрести качества, которые сделают её подходящей супругой для Эмиля: умение поддерживать его, учитывать его желания, вести хозяйство и воспитывать детей. Руссо признавал необходимость воспитания женщины, однако содержание этого воспитания подчинял её предполагаемой семейной роли. Интеллектуальное развитие оценивалось прежде всего с точки зрения того, насколько оно помогает женщине соответствовать ожиданиям мужчины.

В конце XVIII века против подобных представлений выступила английская писательница и философ Мэри Уолстонкрафт. В книге «В защиту прав женщины», опубликованной в 1792 году, она оспаривала убеждение, будто женщины от природы неспособны к самостоятельному рассуждению. Уолстонкрафт обращала внимание на противоречие в воспитании девочек: их приучали искать одобрения, заботиться о внешности и зависеть от чужого мнения, а затем сформированные таким образом качества объявляли свидетельством их интеллектуаль-

ной слабости. Она считала, что полноценное образование необходимо женщинам для развития разума, нравственной самостоятельности и способности отвечать за собственные решения. Её работа стала одним из наиболее известных философских выступлений против образовательного неравенства и представлений о природной ограниченности женского интеллекта.

К XIX веку вопрос о высшем образовании женщин постепенно перешёл из области отдельных общественных споров в сферу институциональных изменений. Университеты разных стран открывали свои двери для студенток в разное время. Франция, Бельгия и Швейцария оказались среди европейских государств, куда женщины приезжали получать образование из стран, где поступление для них оставалось закрытым. Особенно заметным было присутствие студенток из России; многие стремились изучать медицину. Германия открывала университеты для женщин позднее. Даже к началу Первой мировой войны, когда их присутствие в высшей школе уже стало привычнее, профессиональные перспективы оставались ограниченными. Диплом сам по себе ещё не гарантировал возможности преподавать, проводить исследования и занимать академические должности.

В Испании право женщин поступать в университет также складывалось постепенно. Королевский указ от 11 июня 1888 года разрешал им получать высшее образование при условии специального разрешения от вышестоящих органов. Следовательно, поступление зависело от дополнительного административного решения, которого мужчинам не требовалось. 8 марта 1910 года была принята новая королевская ордонанса, отменившая необходимость такого согласования: женщины получили право записываться на университетские курсы на тех же условиях, что и мужчины. В сентябре того же года отдельное решение признало профессиональную действительность университетских дипломов женщин для должностей, находившихся в ведении Министерства народного просвещения. Между первыми возможностями поступления и признанием равного порядка приёма прошло более двух десятилетий.

Даже получение университетского образования не решало всех проблем. Женщина могла окончить обучение, но столкнуться с отказом при устройстве на работу, невозможностью занять преподавательскую должность или ограничениями внутри научного сообщества. Некоторые учреждения не принимали женщин в свои ряды, другие допускали их к отдельным занятиям, но не предоставляли полноценного профессионального статуса. Научная карьера зависела от целой системы условий: образования, признанной квалификации, доступа к исследованиям и возможности представлять собственные результаты. Если хотя бы одно из этих условий отсутствовало, путь к признанию становился значительно труднее.

Истории женщин, сумевших заниматься наукой вопреки ограничениям, позволяют увидеть, как именно действовали эти препятствия. Их судьбы различались: одни самостоятельно осваивали дисциплины, недоступные им в университетах, другие получали образование благодаря частным наставникам, третьи работали внутри научных учреждений, но не могли добиться равного профессионального положения. За каждой из этих историй стоял вопрос о том, кто имеет право учиться, исследовать, преподавать и считаться автором научного результата.

Одним из наиболее известных примеров стала судьба Софи Жермен, французского математика, родившейся в 1776 году. Когда в 1794 году открылась Политехническая школа, женщинам поступать туда не разрешалось. Жермен самостоятельно изучала математику, добывала учебные материалы и отправляла решения задач преподавателям под именем бывшего студента Антуана-Огюста Леблана. Её работы привлекли внимание математика Жозефа-Луи Лагранжа. Узнав, что за именем Леблана скрывается женщина, он не прекратил сотрудничество и стал поддерживать её занятия математикой.

Позднее Жермен переписывалась с Карлом Фридрихом Гауссом, одним из крупнейших математиков своего времени. В начале их переписки она также пользовалась именем Леблана, опасаясь, что письма останутся без внимания, если адресат узнает, что их автор — женщина.

Её научные интересы охватывали теорию чисел и математическую физику. Особое место в её работе заняла теория упругости. В 1816 году Жермен получила премию Парижской академии наук за исследование этой области. Это признание стало исключительным событием: женщине удалось добиться высокой научной награды в учреждении, членство в котором для неё оставалось недоступным. Её дальнейшие работы по теории чисел также внесли вклад в развитие математики.

Другой пример связан с итальянским учёным XVIII века Лаурой Басси. Она получила образование под руководством частных наставников, проявила способности к философии и естественным наукам и в 1732 году защитила диссертацию в Болонском университете. В том же году ей присудили степень по философии, а позднее предоставили преподавательскую должность в области натуральной философии. Басси стала одной из первых женщин, получивших университетскую профессорскую позицию в Европе. Она занималась экспериментальной физикой и сыграла значительную роль в распространении идей Ньютона в Италии.

Её положение, однако, нельзя описать как полное равенство с мужчинами-коллегами. Первоначально университетские полномочия Басси были ограничены, а возможности публично преподавать зависели от разрешений и особых обстоятельств. Значительную часть научной и преподавательской работы она проводила в собственном доме, где организовывала занятия и эксперименты. Со временем её положение укрепилось: в 1776 году она получила кафедру экспериментальной физики Болонского института наук. Её история показывает, что даже выдающиеся способности и официальное признание не сразу устраняли институциональные ограничения.

В истории астрономии показательна судьба Марии Винкельман-Кирх. Она родилась в 1670 году и получила знания в области астрономии благодаря самостоятельным занятиям и обучению у астронома Готфрида Кирха, за которого впоследствии вышла замуж. Супруги вместе наблюдали небесные тела, составляли календари и выполняли расчёты. В 1702 году Мария обнаружила комету, известную сегодня как C/1702 H1. Готфрид подтвердил наблюдение, поэтому в истории открытия упоминаются оба астронома, хотя самостоятельный вклад Марии долгое время оставался в тени.

Работа Марии была связана с астрономическими исследованиями Берлинской академии наук, где официальную должность занимал её муж. После смерти Готфрида в 1710 году она обратилась в академию с просьбой предоставить ей должность, которая позволила бы продолжить работу над календарями и наблюдениями. Её кандидатуру поддерживал президент академии Готфрид Вильгельм Лейбниц, высоко оценивавший её способности. Однако другие члены учреждения выступили против назначения женщины на эту должность. В 1712 году её просьбы окончательно отклонили. Мария продолжила заниматься астрономией за пределами академии, но лишилась возможности сохранить прежнее профессиональное положение.

Мэри Эннинг, английская собирательница окаменелостей и исследовательница, столкнулась с иным сочетанием препятствий. Она родилась в 1799 году в небогатой семье в Лайм-Реджисе и с юности занималась поиском ископаемых на побережье Дорсета. Её находки имели большое значение для развития геологии и изучения доисторической жизни. Среди них были скелеты ихтиозавров и плезиозавров, в том числе первый обнаруженный полный скелет плезиозавра. В 1828 году Эннинг нашла останки птерозавра, которые стали первой такой находкой за пределами Германии.

Эннинг обладала глубокими практическими знаниями: умела распознавать и подготавливать окаменелости, понимала особенности строения древних организмов и консультировала учёных. Её находки становились предметом научных обсуждений, однако имя самой исследовательницы далеко не всегда появлялось в публикациях специалистов, приобретавших у неё образцы. Геологическое общество Лондона не принимало женщин в число своих членов, поэтому Эннинг не могла войти в профессиональное сообщество, в котором обсуждались

открытия и формировалась научная репутация. Женщин начали принимать в качестве полноправных членов общества лишь в 1908 году — спустя десятилетия после её смерти.

В XX веке вопрос о признании женского научного труда получил новые примеры. Среди них — история физика Лизы Мейтнер, участвовавшей в исследованиях, приведших к объяснению ядерного деления. Мейтнер получила докторскую степень Венского университета в 1906 году и продолжила научную работу в Берлине, где сотрудничала с химиком Отто Ганом. В 1926 году она стала первой женщиной в Германии, получившей профессорскую должность по физике. Однако после прихода нацистов к власти её положение резко изменилось. Из-за еврейского происхождения в 1938 году ей пришлось бежать из Германии и продолжать исследования в Швеции.

В конце 1938 года Отто Ган и Фриц Штрассман получили экспериментальные результаты, свидетельствовавшие о том, что при облучении урана нейтронами образуются более лёгкие элементы. Мейтнер вместе со своим племянником, физиком Отто Фришем, объяснила физическую природу процесса: ядро урана расщеплялось на части, высвобождая значительную энергию. В статье, опубликованной в 1939 году, они изложили теоретическое объяснение явления. Термин «деление» — fission — предложил Фриш.

В 1944 году Нобелевскую премию по химии за открытие расщепления тяжёлых атомных ядер присудили Отто Гану. Вклад Мейтнер и Фриша в физическое объяснение процесса отмечен не был. Историки науки продолжают обсуждать причины этого решения, но сводить его к одному обстоятельству было бы неверно: значение имели и разделение экспериментальной и теоретической работы, и положение Мейтнер после вынужденной эмиграции, и особенности научного признания того времени. При этом её вклад в понимание ядерного деления сегодня считается существенной частью истории открытия.

История Розалинд Франклин, британского биофизика, также показывает, насколько важно учитывать вклад каждого участника научного исследования. В начале 1950-х годов она занималась рентгеноструктурным анализом ДНК в Королевском колледже Лондона. Полученные ею снимки позволяли исследовать структуру молекулы. Особое значение приобрела фотография 51, сделанная Франклин совместно с её аспирантом Реймондом Гослингом в мае 1952 года. Характерный рисунок на снимке указывал на спиральную структуру ДНК и содержал важные сведения, необходимые для построения её модели.

В начале 1953 года Морис Уилкинс показал фотографию Джеймсу Уотсону, работавшему вместе с Фрэнсисом Криком над определением структуры ДНК. Франклин не знала, что снимок был передан Уотсону. Гослинг работал под руководством Франклин, но после её ухода из Королевского колледжа оставался в лаборатории под руководством Уилкинса. Кроме фотографии, Уотсон и Крик получили доступ к сведениям из отчёта исследовательской группы Франклин, содержавшего важные экспериментальные данные.

В апреле 1953 года в журнале Nature вышли статьи Уотсона и Крика, Франклин и Гослинга, а также Уилкинса и его коллег. Эти публикации вместе представили научному сообществу модель двойной спирали и экспериментальные данные, на которых она основывалась. В 1962 году Нобелевскую премию по физиологии и медицине за открытия, связанные с молекулярной структурой нуклеиновых кислот, получили Уотсон, Крик и Уилкинс. Франклин умерла в 1958 году, поэтому не могла быть включена в число лауреатов: Нобелевские премии не присуждаются посмертно. Её вклад в исследования структуры ДНК сегодня признаётся одним из важнейших в этой истории, хотя обстоятельства распределения научного признания продолжают вызывать споры среди историков науки.

Истории этих исследовательниц различаются, но в них повторяется одна закономерность: талант и труд сами по себе не гарантировали женщине доступа к научной карьере. Одной приходилось скрывать имя, чтобы её математические работы вообще прочитали. Другой — добиваться права преподавать в университете, где её присутствие воспринималось как исключение.

Третья могла годами выполнять научную работу, но после смерти мужа не получила возможности занять его должность. Четвёртая находила окаменелости, которыми пользовались признанные учёные, оставаясь за пределами профессионального сообщества. В XX веке женщины уже могли занимать университетские должности и участвовать в крупных исследованиях, но вопрос о распределении признания по-прежнему оставался острым.

Образование имело непосредственное экономическое значение. Профессиональная квалификация расширяла возможности трудоустройства, позволяла претендовать на более устойчивый заработок и формировать независимое материальное положение. Без неё женщины чаще оказывались в тех видах деятельности, где оплата была ниже, а возможности продвижения — ограниченнее. Даже получив диплом, женщина могла столкнуться с отказом в трудоустройстве по специальности или невозможностью занять должность, доступную мужчине с аналогичной подготовкой.

Грамотность и образование влияли и на повседневную самостоятельность. Женщина, умеющая читать сложные документы, могла разбираться в договорах и законах, вести профессиональную переписку, самостоятельно изучать медицинские заключения и публиковать собственные тексты. Она получала больше возможностей сопоставлять источники информации, проверять чужие утверждения и формировать собственное суждение. Образование позволяло участвовать в общественной дискуссии, передавать знания следующим поколениям и влиять на интеллектуальную жизнь за пределами семьи.

Человечество не может знать, каким был бы его научный и культурный путь, если бы женщины на протяжении всей истории имели равный доступ к образованию. Невозможно перечислить открытия, которые могли бы состояться раньше, исследования, которые получили бы продолжение, и идеи, которым не пришлось бы ждать признания десятилетиями. Но последствия ограничений вполне различимы. За ними стояли не только личные судьбы женщин, вынужденных отказываться от профессии или самостоятельно искать путь к знаниям. Общество теряло часть собственного интеллектуального потенциала, исключая из науки и образования людей, чьи способности могли бы изменить представления о мире.

Женщины всё же учились, исследовали, преподавали и оставляли после себя открытия, несмотря на закрытые двери университетов и недоверие профессиональной среды. Их истории напоминают, что развитие знания зависит не только от способностей отдельных людей, но и от того, получает ли человек возможность эти способности реализовать. Когда образование становится привилегией одной части общества, последствия этого ограничения выходят далеко за пределы личной судьбы тех, кому отказали в учёбе. Они затрагивают всё общество, лишая его идей, исследований и решений, которые могли бы стать частью общей истории.

Глава III
Женщина у власти

Женщины правили государствами задолго до того, как их политическое участие стало предметом общественных дискуссий. Они наследовали престолы, становились регентшами при малолетних наследниках, захватывали власть в результате дворцовых переворотов, возглавляли армии, проводили реформы, заключали союзы и принимали решения, от которых зависела судьба целых народов. История знает немало женщин, обладавших властью, сопоставимой с властью самых могущественных мужчин своего времени. Однако их присутствие в политической истории воспринимается как исключение, требующее отдельного объяснения.

Само это требование заслуживает внимания. Когда государством управляет мужчина, его право на власть объясняется наследованием, военной победой, политическим соглашением или принадлежностью к определённой династии. Его пол не становится главным предметом исторического анализа. Женщина же, занявшая престол, почти неизбежно оказывается в центре дополнительных вопросов: имела ли она право управлять, кто стоял за её решениями, насколько самостоятельной была её политика, не нарушала ли она установленный порядок? Даже её личность нередко рассматривается через призму того, насколько хорошо она соответствовала представлениям о женственности.

Не всякая женщина, столкнувшаяся с политическим сопротивлением, была его жертвой исключительно из-за пола. Борьба за престол, борьба аристократических группировок, религиозные противоречия, экономические интересы и внешнее вмешательство влияли на судьбы мужчин и женщин. Правительницы могли проявлять жестокость, допускать политические ошибки, вести войны и подавлять сопротивление. Они не были носительницами какой-то особой, изначально более мирной природы. Но гендерная принадлежность определяла условия, в которых им приходилось действовать: какие качества от них ожидали, какие поступки прощали, чью поддержку они могли получить и насколько их власть признавали законной.

Чтобы понять это, недостаточно перечислить женщин, занимавших высокие должности. Необходимо рассмотреть, каким образом они получали власть, какие политические механизмы позволяли им удерживаться у её вершины и почему одни из них вошли в историю как великие правительницы, другие — как опасные нарушительницы порядка, а третьи оказались почти забыты.

Право на власть

Одной из самых ранних известных женщин, самостоятельно занимавших высшую государственную должность, была Хатшепсут, правившая Древним Египтом в XV веке до нашей эры. Она происходила из XVIII династии и была дочерью фараона Тутмоса I. После смерти мужа Тутмоса II Хатшепсут стала регентшей при малолетнем Тутмосе III, а затем приняла титул фараона и управляла страной от собственного имени.

Её положение было необычным для египетской политической традиции. Фараон представлялся не просто правителем, а центральной фигурой религиозного и государственного порядка, связанной с божественным устройством мира. Царская власть имела собственный язык символов, ритуалов и изображений, в котором преобладали мужские образы. Хатшепсут не могла просто занять место мужчины, не затронув сложившуюся систему представлений о царской власти. Она использовала её символы, титулы и церемониальные формы, постепенно выстраивая образ законного фараона.

На изображениях Хатшепсут встречается в традиционном царском облачении, с атрибутами власти, которые обычно принадлежали мужчинам. В некоторых скульптурных изобра-

жениях она представлена с мужской царской бородой. Это не следует понимать как попытку скрыть собственный пол или как свидетельство того, что она отказывалась от своей женской идентичности. Царский образ в Египте был политическим языком. Чтобы быть признанной фараоном, Хатшепсут использовала формы, посредством которых египетская культура привыкла изображать самого фараона.

Её правление было связано с масштабным строительством, укреплением храмовых комплексов, развитием торговых отношений и экспедицией в страну Пунт. Особенно известен заупокойный храм Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри, архитектура которого демонстрировала богатство и устойчивость её власти. Экспедиция в Пунт принесла в Египет благовония, древесину, редкие растения и другие ценные товары. Эти проекты создавали образ правительницы, способной поддерживать порядок, обеспечивать процветание страны и исполнять обязанности, которые египетская традиция связывала с фараоном.

После смерти Хатшепсут её имя и изображения подверглись систематическому повреждению. Часть статуй была разбита, изображения удалялись с храмовых стен, а её место в официальной последовательности правителей оказалось затронуто последующей политикой памяти. Долгое время эти действия представляли как личную месть Тутмоса III женщине, которая якобы отняла у него законное наследство. Однако современные исследователи относятся к такому объяснению осторожнее. Уничтожение памятников началось не сразу после её смерти, а его причины остаются предметом научной дискуссии. Среди возможных объяснений называют династическую политику, вопросы наследования и стремление восстановить определённую последовательность царской власти.

История Хатшепсут показывает, насколько тесно политическая власть связана с правом определять историческую память. Правитель может умереть, но его образ продолжает существовать в памятниках, надписях и официальных рассказах о прошлом. Уничтожая имя предшественника, следующая власть воздействует не только на его репутацию, но и на представление потомков о том, кто вообще имел право управлять государством. Хатшепсут не исчезла из истории полностью, однако попытка исключить её из царской последовательности сама стала частью её исторической судьбы.

Сходная проблема легитимности возникла перед Тамар, царицей Грузии, правившей в 1184—1213 годах. Ещё при жизни отца, Георгия III, она была коронована как его соправительница и наследница. После его смерти Тамар пришлось вновь подтверждать своё положение. Часть духовенства и аристократии не была готова безоговорочно принять женщину в качестве самостоятельного монарха.

Тамар самостоятельно участвовала в управлении государством, влияла на назначения, принимала политические решения и руководила внешней политикой. При ней Грузинское царство достигло значительного военного и культурного расцвета. Географическое и политическое влияние государства расширилось, укрепились его связи с соседними территориями, развивались архитектура, литература и церковная культура.

После вступления на престол Тамар столкнулась с сопротивлением части знати, а её первый брак с Юрием Боголюбским завершился разводом и последующим военным противостоянием с его сторонниками. Ей приходилось договариваться с аристократией, удерживать лояльность военной элиты и выстраивать собственную политическую опору. Впоследствии её супруг Давид Сослан получил титул царя-консорта, однако это не передало ему верховную власть. Тамар оставалась главой государства.

Её пример особенно интересен тем, что Тамар не была просто временной заменой отсутствующего мужчины. Она правила самостоятельно на протяжении почти трёх десятилетий, а её эпоха стала одним из наиболее значительных периодов грузинской истории. В последующей памяти её образ приобрёл почти легендарный масштаб, но даже в этом случае женская власть нуждалась в особом языке легитимации. В изображениях и титулатуре Тамар использовались

формы, позволявшие представить её правление в понятных современникам категориях царского достоинства. В грузинской традиции её могли называть царём, подчёркивая не пол, а полноту власти.

Император, которому не полагалось быть женщиной

В истории Китая особое место занимает У Цзэтянь — единственная женщина, официально принявшая титул императора и основавшая собственную династию. Она родилась в 624 году, вошла в императорский двор при династии Тан, стала супругой императора Гао-цзуна, а после его смерти сосредоточила в своих руках власть. В 690 году У Цзэтянь провозгласила новую династию Чжоу и заняла императорский престол, которым управляла до 705 года.

У Цзэтянь десятилетиями участвовала в придворной борьбе, формировала союзы, устраняла соперников и постепенно укрепляла собственное положение. Её правление сопровождалось расширением государственного аппарата, поддержкой чиновничества и мерами, направленными на укрепление центральной власти. При ней продолжала развиваться экзаменационная система отбора чиновников, которая существовала и раньше, но приобрела дополнительное значение как инструмент формирования управленческой элиты, не полностью зависимой от старых аристократических семей.

Главным препятствием для У Цзэтянь было не отсутствие политического опыта. Её положение противоречило представлениям о том, кому предназначена высшая власть. В традиционной китайской политической культуре положение императора связывалось с Небесным мандатом и особым порядком мира. Женщина, претендовавшая на титул императора, нарушала привычное распределение политических и семейных ролей.

У Цзэтянь ответила на эту проблему не отказом от существующей традиции, а её переосмыслением. Она обращалась к древним преданиям, использовала религиозную символику, поддерживала буддизм и выстраивала представление о собственной власти как о части более высокого порядка. Буддийские тексты, образы женских божеств и религиозные пророчества помогали представить её правление как событие, имеющее не только политическое, но и космическое значение. Она использовала разные интеллектуальные и религиозные традиции, чтобы создать собственную легитимность.

Вместе с тем её правление сопровождалось репрессиями, доносами и устранением политических противников. У Цзэтянь использовала те же инструменты политического принуждения, которыми пользовались мужчины-монархи её эпохи. Её история разрушает представление о том, что женщины, получившие власть, непременно должны управлять иначе, руководствуясь большей добротой или состраданием.

После её смерти официальная история, создававшаяся в рамках восстановленной династии Тан, во многом закрепила негативный образ императрицы. Её политические действия описывали через жестокость, интриги и нарушение естественного порядка. Часть обвинений могла отражать реальные методы её управления, однако необходимо учитывать и то, что исторические хроники создавались в политической среде, заинтересованной в обосновании возвращения прежней династии. Женщина, которая не просто управляла вместо мужчины, а открыто заняла титул императора, становилась неудобной фигурой для последующей официальной традиции.

Женщины на российском престоле

Российская история даёт особенно выразительный материал для изучения женского правления. В XVIII веке империей на протяжении значительной части столетия управляли женщины. Этот период нередко называют «веком императриц». На престоле действи-

тельно находились несколько самостоятельных правительниц, но рядом с ними были и женщины-регентши, управлявшие государством от имени несовершеннолетних наследников.

В более ранней истории Руси женщины тоже участвовали в управлении. Княгиня Ольга после гибели своего мужа, князя Игоря, в X веке стала правительницей при малолетнем сыне Святославе. Её положение было связано с необходимостью сохранить власть княжеской династии и удержать подчинённые территории. Ольга проводила административные преобразования, упорядочивала сбор дани, укрепляла княжескую власть и установила отношения с Византией. Она действовала как регентша, но фактически определяла политический курс государства.

В XVI веке после смерти Василия III регентшей при малолетнем Иване IV стала его мать Елена Глинская. Её правление продолжалось с 1533 по 1538 год. За это время была проведена денежная реформа, направленная на унификацию денежного обращения в Московском государстве. Старые монеты изымались из обращения, вводились новые стандарты чеканки, а финансовая система приводилась к единому порядку.

В конце XVII века важную роль сыграла царевна Софья Алексеевна. После смерти царя Фёдора Алексеевича в 1682 году возник кризис престолонаследия. На престол были возведены два царя — Иван V и Пётр I, а Софья стала регентшей при них. Формально она не была единодержавной правительницей, однако фактически руководила государством в течение нескольких лет. Её правление сопровождалось борьбой придворных группировок, дипломатическими переговорами и военными кампаниями. Впоследствии Пётр I отстранил её от власти, и Софья оказалась в Новодевичьем монастыре.

История Софьи особенно показательна: её политическая деятельность долгое время оценивалась через сопоставление с Петром I, которому позднейшая историография приписала центральное место в преобразовании России. Исследователи, обращавшиеся к периоду её регентства, отмечали, что правительство Софьи занималось дипломатией, торговлей, образованием и административными вопросами. Это не означает, что её политика была безупречной или что все неудачи её правления объяснялись предвзятостью историков. Но представление о ней исключительно как о властолюбивой женщине, мешавшей будущему великому реформатору, не позволяет увидеть реальную сложность её управления.

Особое место занимает XVIII век. После смерти Петра I в 1725 году на престол взошла его супруга Екатерина I. Её правление продолжалось два года. Екатерина не обладала тем опытом государственного управления, который имел её муж, а значительная часть политических решений принималась при участии ближайших сановников, прежде всего Александра Меншикова и созданного в 1726 году Верховного тайного совета. Она была признана императрицей, принимала участие в государственных делах и обладала верховным статусом, который определялся не только личными способностями, но и политическим устройством империи.

После смерти Петра II в 1730 году престол перешёл к Анне Иоанновне, дочери царя Ивана V. Её кандидатуру предложил Верховный тайный совет, рассчитывавший ограничить власть новой императрицы с помощью особых условий — «Кондиций». Анна подписала их, но после прибытия в Москву, опираясь на поддержку гвардии и других политических сил, отказалась от ограничений и восстановила самодержавную форму правления. Совет пытался использовать наследницу престола для изменения политического устройства страны, а Анна, в свою очередь, сумела воспользоваться конфликтом между элитами, чтобы сохранить верховную власть за собой.

После смерти Анны Иоанновны императором стал младенец Иван VI, а регентшей при нём — Анна Леопольдовна, формально престол принадлежал её сыну, а она осуществляла регентство. Её правление оказалось непродолжительным. В 1741 году в результате дворцового переворота власть перешла к Елизавете Петровне, дочери Петра I.

Елизавета правила более двадцати лет. При ней продолжилось развитие государственного аппарата, расширялись образовательные учреждения, в 1755 году был основан Московский университет. Её правление было связано с укреплением международного положения России и участием страны в Семилетней войне. Елизавета не была лишь символической наследницей своего отца, она обладала реальной политической властью и принимала решения, определявшие внутреннюю и внешнюю политику империи.

В 1762 году после дворцового переворота к власти пришла Екатерина II. Её правление продолжалось до 1796 года и стало одним из наиболее продолжительных и значительных периодов российской имперской истории. Екатерина расширила территорию государства, участвовала в разделах Речи Посполитой, провела административные преобразования, поддерживала развитие образования и культуры. Одновременно её эпоха была временем усиления крепостнической зависимости, подавления восстания Емельяна Пугачёва и ограничения самостоятельности крестьянства. Поэтому оценивать её только как просвещённую реформаторку было бы столь же односторонне, как представлять исключительно деспотичной правительницей.

Возникает закономерный вопрос: почему именно в России XVIII века женщины смогли занимать престол так часто? Было бы ошибкой объяснять это внезапным признанием политического равенства мужчин и женщин. Российская империя не превратилась в общество, где женщины получили равные права в законодательстве, образовании, собственности и общественной жизни. Большинство женщин по-прежнему находилось в условиях сильной зависимости от семейного положения, сословия и мужской власти.

Одним из важных обстоятельств стал указ Петра I о престолонаследии 1722 года, позволявший действующему монарху назначать наследника по собственному усмотрению. После смерти Петра отсутствие общепризнанного порядка наследования создало пространство для политической борьбы. На престол могли претендовать представители разных ветвей династии, а военная гвардия, придворные группировки и высшие сановники получили возможность влиять на выбор правителя. Женщины императорской семьи оказались участницами этой борьбы потому, что династическая ситуация и устройство власти открыли им путь к престолу.

У российских императриц различались политические интересы, методы управления, круг союзников и представления о государстве. Екатерина I во многом опиралась на окружение Петра I. Анна Иоанновна пришла к власти при попытке ограничить самодержавие и затем отказалась от предложенных условий. Елизавета Петровна получила престол в результате переворота, опираясь на гвардию и собственное происхождение. Екатерина II пришла к власти через устранение мужа и сумела удерживать её почти тридцать четыре года. Объединять их в одну категорию только потому, что они были женщинами, значит снова лишать их самостоятельной исторической роли.

Женщина могла быть императрицей, издавать указы, командовать армией, назначать министров и определять внешнюю политику, тогда как миллионы других женщин оставались лишены политического участия. Сам факт женского правления не разрушал патриархальный порядок. Иногда он даже укреплял его, поскольку верховная власть продолжала принадлежать узкому кругу представителей династии и аристократии.

Власть, которая не принадлежит одному полу

Елизавета I, правившая Англией с 1558 по 1603 год, также столкнулась с необходимостью обосновывать своё право на престол в обществе, где политическая власть традиционно связывалась с мужчинами. Её положение было осложнено религиозными конфликтами, династическими спорами и вопросом о наследнике. Католические противники считали её рождение незаконным, а отсутствие мужа и детей постоянно превращалось в политическую проблему.

Елизавета не стала выходить замуж, хотя вопрос о её браке десятилетиями оставался частью дипломатических переговоров. Брак английской королевы означал бы не только личный союз, но и возможное перераспределение власти внутри государства. Муж мог претендовать на политическое влияние, а иностранный супруг создавал бы риск зависимости от другого государства. Елизавета использовала неопределённость вокруг своего замужества как инструмент внешней политики, поддерживая переговоры и не позволяя ни одному из кандидатов получить решающее преимущество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.